

СЛЕДИ ЗА ТЕМ, КТО СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ

18+

ЛЕОН ЛАНЧЕВСКИ

Леон Ланчевски

Следи за тем, кто следит за тобой

«Автор»

2026

Ланчевски Л.

Следи за тем, кто следит за тобой / Л. Ланчевски — «Автор»,
2026

Между ними не может быть ничего. Но происходит. Опасность и страх сближают. Любовь не спрашивает, можно ли. Гата не знает, кому верить. Она не знает, кто охотник, а кто — защита. Не знает, что один из них хранит её прошлое. А второй — её будущее. Она просто хочет выжить. И спасти дочь. Но чтобы спасти — придётся вспомнить. Даже то, что она вытеснила. Что может разрушить её мир.

© Ланчевски Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. ВЕЧЕР	8
Глава 2. СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ	14
Глава 3. НОЧЬ	22

Леон Ланчевски

Следи за тем, кто следит за тобой

ПРОЛОГ

В двенадцать часов дня на киностудии всегда было слишком много людей. Агата привыкла, что её узнают даже в коридорах. Кто-то кивает, улыбается, шепчет вслед. Даже пытается незаметно сфотографировать.

Сегодня никто не обращал на неё внимания. Сначала это даже нравилось.

Она шла по огромному павильону, где утром снимали какую-то сцену с разбитым автомобилем. Потом свернула в боковой коридор — просто потому, что увидела знакомую табличку с надписью «Грим». Табличка оказалась старой. Гримёрки за ней не было. Зато был ещё один коридор.

— Прекрасно, — пробормотала Агата.

Она пошла дальше. По обе стороны стояли какие-то декорации: куски стен, старые двери, манекены в длинных платьях, деревянные лестницы, искусственные деревья. Кое-где лежали коробки с реквизитом.

Свет здесь был совсем другой. Не студийный — жёлтый, слабый, будто его давно забыли заменить. Агата оглянулась. Никого.

— Аллю?

Тишина. Она усмехнулась.

— Ну конечно. Забрела в катакомбы.

Достала телефон. Нет сети.

— Супер.

Она подняла телефон выше, будто это могло помочь. Один квадратик. Исчез.

— Господи, — сказала она сама себе. — Сейчас выйдет какой-нибудь маньяк в костюме Наполеона.

Сама же тихо рассмеялась. Смех отразился от стен. И почему-то сразу стал неприятным. Агата перестала улыбаться. Пошла обратно. Через несколько метров коридор разветвился.

Она остановилась.

— Так.

Посмотрела направо. Потом налево.

— Я пришла отсюда.

Неуверенно пошла налево. Через минуту оказалась у той же деревянной лестницы.

Агата нахмурилась.

— Нет.

Развернулась. Пошла обратно быстрее. Ещё один поворот. И ещё один.

Снова манекен в длинном сером платье.

— Очень смешно, — рявкнула она.

Никто не ответил. Она и сама уже не улыбалась.

— Есть здесь кто-нибудь?

Голос прозвучал слишком громко. Вздрыгнула.

— Эй!

Тишина. Агата пошла быстрее. Потом почти побежала.

Поворот. Коридор. Ещё один. Никакого выхода.

— Да что за чёрт?!

Резко остановилась. Сердце колотилось. Ей вдруг стало трудно дышать.

Не от бег. От ощущения. Агата больше не чувствовала, что она здесь одна. Просто кого-то здесь не было видно. Волоски на позвоночнике поднялись сами собой.

Агата медленно повернула голову. Пусто. Манекены. Коробки.

Старые декорации. Она сделала шаг назад.

— Эй...

Голос сорвался. И тогда она закричала. Громко.

— Есть кто-нибудь?!

Никого.

— Помогите!

Она метнулась в другую сторону. Потом резко замолчала.

Сама себе зажала рот ладонью. Глаза расширились.

Услышала звук. Очень тихий. Шаги. Осторожные.

Не далеко. Кто-то пробирался по коридору. К ней.

Агата попятилась. Споткнулась о коробку, упала на колени. Не вставая, поползла в сторону старой декорации. Забилась между двумя деревянными конструкциями. Прижалась спиной к стене.

Сердце билось так сильно, что, казалось, его слышно было на весь павильон.

Шаги приближались. А потом погас свет. Совсем.

Агата зажмурилась. Темнота стала плотной. Абсолютной.

Она слышала только собственное дыхание.

И ещё одно. Чужое.

Кто-то остановился. Около нее.

Агата перестала дышать.

Шаг. Ещё один.

И вдруг человек оказался совсем близко. Она почувствовала движение воздуха.

Он присел рядом. На корточки. Агата вжалась в стену.

Чужое дыхание коснулось её лица.

Тёплое. Мужское дыхание. Немного табака и спортивный парфюм.

Она попыталась отклониться. Но сзади была стена. Она не могла ни уйти, ни закричать.

И тогда почувствовала движение. Рука. Он протянул к ней руку.

— Нет...

Агата завизжала. И провалилась в темноту.

— Агата!

Она резко открыла глаза. Белый свет. Зеркало. Ее гримёрка.

Несколько лиц вокруг. Кто-то шептался. Кто-то смотрел с плохо скрываемым любопытством.

— Ну наконец-то.

— Тише ты.

— Она опять...

— Господи, двенадцать часов всего.

— Ну, а что? Звезда.

— Господину Лорану, наверное, особенно приятно будет узнать.

— А Бьянка, какая девочка хорошая...

— Да уж. Не в мать.

Агата моргнула. Не сразу поняла, где находится. Губы пересохли.

— Что...

Дверь резко открылась. Вошла Ирина.

— Все вон.

Никто не двинулся.

— Я сказала — вон!

Люди начали нехотя расходиться. Ирина подошла к Агате, схватила её за плечи.

— Ты как?

Агата тяжело дышала.

— Ты что? Опять?

Она не ответила. Только смотрела на Ирину красными глазами.

— Я клянусь тебе...

Ирина примолкла. Слушала.

— Он был там. Опять.

— Кто?

Агата сглотнула. Закрыла глаза.

— Он. Совсем рядом.

Ирина смотрела на неё несколько секунд. Сомневалась.

— Агата...

— Он дышал мне в лицо.

Ирина ничего не сказала. Взяла со стола полотенце, открыла бутылку Perrier, намочила ткань.

Потом, отходя, запнулась обо что-то. Под столом. Что-то звякнуло. Выкатилась пустая бутылка из-под Aperol. Ирина посмотрела на неё.

Потом на Агату. Лицо её стало совершенно бесстрастным.

— Понятно.

Она подняла бутылку. Убрала с глаз долой.

— Ладно. Давай приведём тебя в порядок.

Посмотрела на часы.

— Через пятнадцать минут дедлайн.

И протянула Агате мокрое полотенце.

— Надо быть в форме.

Глава 1. ВЕЧЕР

Агата собиралась позволить себе эту маленькую роскошь: проснуться не по расписанию. Но тело знало своё время лучше, чем кто-либо другой. Двадцать лет в графике. В режиме, который не выключается, даже когда ты этого хочешь.

Агата повернула голову. Рядом — пустая сторона кровати. Идеально заправленная. Ни одной складки. Она спала здесь не одна уже... Она не помнила, когда последний раз. Может, год назад. Может, два. Лоран приезжал редко. Бланка — ещё реже. У дочери своя жизнь. Своя территория неприкосновенности, свой звуконепроницаемый мир с микрофонами и наушниками.

Села. Босые ноги коснулись теплого паркета. Микроклимат настроен строго на двадцать два градуса. Ни больше, ни меньше. Климат-контроль. Как в гримёрке и в студии. Везде, где она бывала последние годы. Влажность, давление, температура. И никаких посторонних запахов. Жесткое ограничение во всем. Таков удел звезд. Никакой обманчивой свободы, которой грезят юные нимфы.

Агата прошла босиком в ванную. Огромная купель, с двумя раковинами. Мрамор. Зеркало от пола до потолка. Она осмотрела себя.

Тридцать пять лет. Лицо и фигура — безупречны. Для всех, гены и дисциплина. Для посвященных очень-очень много факторов. Финансовых, медицинских, научных и даже ментальных. Все для того, чтобы еще украсть у природы немного времени и остаться безукоризненной. Блестящей. Косметолог, массаж, фитнес-тренер, гуру, стилисты — и это еще далеко не все причастные к ежедневным, ежеминутным процедурам молодости и красоты. Сон — не меньше семи часов. Вода — два литра в день, определенной марки. Никакого сахара вообще. Никакого алкоголя. Никаких компромиссов.

— Доброе утро, — улыбнулась она своему отражению одной из лучших улыбок.

Отражение не ответило.

Агата усмехнулась. Пошла на кухню.

Кухня была белой. Лоран настоял. Ему все казалось недостаточно сияющим в его жизни. Поэтому все вокруг обязано было блистать. Белый мрамор, белые фасады, белая встроенная техника. Кофемашина — чёрная. Единственное тёмное пятно. Она нажала кнопку. Машина загудела.

Агата присела в столовой за изящный стеклянный столик. Скоро придет горничная, повар и тишина закончится на целый день. Достала телефон.

Двенадцать пропущенных. Четыре — от Ирины. Два — от Елены, ассистентки. Один — от Григория Савина, владельца лейбла. Остальные — рабочие. Никого из близких. Потому что близких в телефоне почти не осталось.

Нажала на сообщение от Ирины: «Завтра в восемь — встреча с режиссёром клипа. Не опаздывай. И не пей сегодня. Воздержись. Ты вчера звучала как после трёх бокалов». Нахалка.

Агата усмехнулась. Вчера она выпила ровно один бокал красного. Но Ирина была права — она звучала немного разочарованной. А так звучать было нельзя.

Она ответила: «Ок» и сердечко. Потом открыла мессенджер. Бланка. Ее «Серебряный соловей».

«Мами, я сегодня до шести. Полина заедет. Не жди. Ужин не дома» и поцелуй. Вот же торопыга.

Агата посмотрела на сообщение. Пальцы замерли над клавиатурой. Она хотела написать: «Хорошо» или «Береги себя». Написала: «Ок» и разбитое сердечко.

Отправила. Убрала телефон.

Кофемашина пискнула. Готово. Она взяла чашку кофе. Горячий. Ароматный. Эфиопия, светлая обжарка. Её любимый сорт.

Агата сделала глоток. Горький. Правильный.

В восемь утра пришёл Виктор.

Не тот Виктор. Виктор Ланской — адвокат — приходил по вторникам. Этот — Виктор Николаевич, повар и домработник. Высокий, худой, с седыми висками. Ему было шестьдесят два, но выглядел он на пятьдесят. Работал у Агаты уже восемь лет. С тех пор, как она переехала в этот комплекс. И развелась с Лораном.

— Доброе утро, Агата Сергеевна, — зашел он на кухню.

— Доброе, Витя.

Он кивнул. Глянул на чашку в ее руке.

— Кофе?

— Да.

— Я приготовлю завтрак. Что будете?

— Протеиновый напиток.

Он посмотрел на неё. Сомневался.

— Агата Сергеевна...

— Витя. Я не голодная.

— Вы не ели вчера. А по расписанию...

— Я ела.

— Нет. А по расписанию ...

Агата вздохнула. Посмотрела на него.

— Витя. Я взрослая женщина. И сама решаю, когда и что мне есть.

Он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Но я оставлю фрукты. На столе. В пределах нормы. По расписанию.

— Хорошо.

Он с достоинством удалился. Агата слышала, как он открывал холодильник, достал что-то, мыл. Звуки были осторожные. Правильные. Виктор не шумел. Он был частью квартиры — незаметной, но необходимой.

Она допила кофе. Встала. Красиво пробежала в кабинет. На цыпочках. Никогда не лишнее немного подвигаться. Без свидетелей и затей.

Внизу звук двери, легкие шаги и негромкий щебет. Смешная мешанина русских и испанских слов. Прибыла Люсия. Сейчас будет порхать и наводить блеск и красоту. Пора было спрятаться в кабинете и не мешать людям работать. Хорошим, честным, проверенным людям.

Ей очень нравился ее маленький уютный кабинет. Не по размеру — по ощущению. Стол, кресло, стеллажи с наградами. Граммофоны. Золотые диски. Фотографии. Бланка в три года. Бланка в семь. Бланка в двенадцать. Бланка сейчас — семнадцать, с зелёными глазами и тёмными волосами с рыжим отливом. Талантливая, сформировавшаяся вокалистка. Вечный победитель конкурсов «Серебряный соловей». Любимица и гордость отца. Ребенок обскакавший мать на сцене так, что даже не было обидно. Талант просто не видел препатствий.

Агата привычным движением открыла ноутбук.

Почта. Контракты. Согласования. Интервью, которые она отменила. Концерты, которые она подтвердила. Гастрольный график. Лондон — ноябрь. Париж — декабрь. Женева — январь. Всё расписано. Всё под контролем.

Она работала два часа. Не отвлекаясь. Только один раз — за водой.

В десять позвонила Ирина.

— Ты как?

— Нормально.

— Спала?

— Великолепно.

— Обманиваешь, радость моя.

Агата усмехнулась.

— Ир. Я спала. Почти шесть часов. Это нормально.

— Для тебя — нет. Ты должна спать больше. Таблетки принимаешь. Я проверю.

— Сегодня — шесть. Прекрати меня доставать. Я большая девочка.

— Ладно. Слушай. В восемь вечера — «Vetro». Встреча с Григорием. Он хочет обсудить новый альбом.

— Я помню. Ушлепок.

— Гата, не нервничай. Он в хорошем настроении. Добр и щедр.

— Ир. Я спокойна. А Григорий пошел к черту, если чем-то недоволен. Другого найду.

— Гата, стоп. Мы не будем искать другого. И нервничать тоже не будем. Все будет «официально».

— Фу, Ир. Какая пошлость. Ты еще гоу-гоу скажи.

Ирина была права. Агата нервничала всегда. Но и это было нормально. Такое давно стало частью работы и жизни. А таблеточки она сегодня пить не стала. У нее были на вечер свои планы. Не сочетающиеся с медикаментами. Совсем.

— Ладно. В восемь. «Vetro». Буду.

— Не опаздывай. И не пей сегодня. Ладно?

— Ир... Я устала тебя слушать. И слышать.

— Я серьезно. Ты вчера звучала плохо.

— Ир. Я выпила один бокал.

— Для тебя и этого достаточно. Ты знаешь. Пей таблетки.

Агата вздохнула.

— Я тебя слышала.

— Обещаешь?

— Угу.

— До вечера. Не скучай.

Она положила трубку. Достали все. Лезут и лезут в ее личную жизнь. Посмотрела на телефон. Пятнадцать пропущенных. Ещё одно, от Елены. Ассистента. Открыла.

«Агата Сергеевна, в четыре — примерка. Стилист ждёт. Не забудьте». Ответила: «Хорошо».

Рассержено швырнула телефон. Надоели, смотри что делается, они же житья ей не дают. Никакого. В дверь кабинета деликатно постучали. Прибыл косметолог. Никакого покоя.

В четыре она была в примерочной.

Стилист — Антон, молодой, с модной стрижкой и достойными часами — крутился вокруг неё. Прикладывал плаття. Одно за другим. Чёрное. Белое. Тёмного серебра. Она стояла перед зеркалом. Смотрела на себя.

— Как вам? — спрашивал Антон складывая ладошки на груди домиком. Волновался и переживал.

Она равнодушно качала головой.

— Нет.

— Это?

— Нет.

— Агата Сергеевна, вы — богиня. Вам все к лицу

— Мне не идёт чёрное. Видишь, даже подлецу, не все к лицу.

Антон вздохнул. Достал другое. Пепельной розы. С открытой спиной.

— Это?

Она глянула в зеркало. Задержала взгляд, кивнула. Вроде ничего.

— Это.

— Лампово. Вы — чудо.

— Мерси, дружок.

Он ушёл. Она осталась одна. Смотрела на себя. Поворачивалась перед зеркалом то одним боком. То другим.

Тридцать пять. Никого уже не обманешь. Но... Звезда! А звезда должна что делать, во что бы то ни стало? Сиять. Так что извольте, дорогая. Будьте так трижды, нахрен, любезны. Блистайте.

Она усмехнулась.

— И что дальше? — спросила она надменно свое отражение.

Отражение не ответило. Лишь слегка, как бы дымка прошла внутри зеркала. И пропала.

Вечером она была дома. Следующий стилист и мастер маникюра. Платье с открытой спиной. Достойные туфли, на угрожающем каблуке. Серьги, средние бриллианты, уместные там куда она собралась. Ничего лишнего, все по канону. Миниатюрный тоут с узнаваемым логотипом VLogo.

Она стояла перед зеркалом. Внимательно смотрела на себя.

— Ничего, — медленно проговорила она, прищурилась. Потом улыбнулась.

Домофон сообщил, что водитель на месте.

— Я поехала, — задумчиво кивнула она Виктору, который стоял у двери. Провожал.

— Хорошего вечера, Агата Сергеевна.

— Ага.

Она вышла в холл к лифту. Консьерж вскочил, поклонился. Она кивнула в ответ. Двинулась на выход. Холодно уже в октябре. Серое небо стало чёрным. Фонари горели, бросая полосы желтого света. Она уже спешила.

Водитель открыл дверь. Тепло кожаного салона. Микроклимат.

— «Vetro», — указала она водителю.

Тот кивнул. Машина тронулась.

«Vetro». Маленький ресторан на Патриарших. Тёмное дерево. Свечи. Десять столов. Не больше. Сюда не попасть без рекомендации. Все свои. Несколько скучено, но мило.

Агата вошла. Хозяин Марко, приторный итальянец, с седеющей шевелюрой и белозубой улыбкой — кивнул.

— Агата. Душа миа. К нам, к нам.

— Марко.

— Вас ожидают. Отдельный кабинет.

— Благодарю.

Он провёл её. Открыл дверь.

Григорий Савин уже был там. Грузный, с тяжёлым взглядом и недовольным выражением лица. Он сидел, читал что-то в телефоне. Поднял голову. Улыбнулся.

— Гата. Привет.

— Григорий, здравствуй.

Она села. Он отложил телефон. Потянулся к ней тяжелым плотным телом. Коснулся щеки губами. Она позволила. С ним все немного через-чур.

— Как дела, красотка?

— Прекрасно.

— И только?

— А что ещё?

Он усмехнулся. Предложил ей вина. Красного.

Она посмотрела на него. Взяла бокал. Сделала глоток.

— Поиграли? Теперь к делу.

— Хорошо, чудо мое.

Они говорили часа два. О новом альбоме, гастролях, рекламе. О новых контрактах. Григорий был в хорошем настроении. Шутит и смеялся. Говорил: «Ты — лучшая. Золото мое! Мы все сделаем правильно».

Агата кивала. Улыбалась. В десять она встала.

— Мне пора.

— Уже?

— Да. Бланка ждёт.

— Ладно. — глянул на нее еще раз, прищурился. — Говорят, у тебя опять были... проблемы на съемках? Брешут, гады?

Она чуть наклонила голову, жестко усмехнулась глядя прямо ему в глаза:

— Злые языки, Гриша. Они такие злые. И без костей.

Он кивнул. Она простилась и вышла.

Машина неслась по трассе. Агата смотрела в окно. Достала телефон, написала Бланке:

«Я уже еду домой. Ты?»

Ответ пришёл через минуту: «Нет. У ночую Полины. Утром меня увезут в лицей».

В одиннадцать она была дома. Поднялась по ступенькам. Консьерж вскочил. Она кивнула. Лифт. Холл. Аппартаменты.

Она открыла. Вошла. На минуту ей показалось...

— Витя? — позвала она.

Тишина.

— Я дома!

Только тишина в ответ. Она усмехнулась. Разумеется, Виктор давно ушел. Мерещится всякое.

Она сбросила туфли. Кинула ключи и телефон на консоль. Оставила сумочку на кресле. Прошла на кухню, налила воды в высокий стакан. Подошла к любимому столику в гостиной. С облегчением села. Осмотрелась вокруг.

И замерла. Все было не так.

Агата встала. Прошла в спальню. Посмотрела. Всё на местах. Кровать заправлена. Идеальный порядок. В гардеробной все на местах. Вещи в порядке.

Она вернулась в гостиную. Посмотрела на столик.

Ваза с цветами. Книги. Картина на стене.

Нахмурилась.

— Так...

Она подошла ближе. Посмотрела на пульт. Лежал на диванной группе.

Параллельно краю стола.

Агата смотрела на него.

Она точно помнила, что оставляла его иначе.

Всегда оставляла пульт под углом. Не параллельно. Под углом. Это была её привычка. Маленькая странность. Её контроль.

Она посмотрела на вазу. Та стояла прямо. Цветы нежными головками подчеркивали жесткие линии. Агата точно помнила, что оставляла её чуть сдвинутой влево. Ненамного. На несколько сантиметров.

Книги лежали стопкой. Она точно помнила, что оставляла нижнюю поперек остальным.

Виктор знал все ее привычки. И никогда не перекладывал вещи, которые служили для нее маячками спокойствия.

Сердце колотилось. Не так, как в гримёрке. Но достаточно сильно.

Она медленно повернула голову. Пусто. Никого. Тишина. Но...

— Витя? — неуверенно позвала она.

Тишина.

Но где-то в квартире Агата уловила посторонний звук. Как будто кто-то переступил с ноги на ногу. Ее испуганный взгляд метнулся по привычным вещам. Она с нарастающим ужасом заметила, что в вазе у нескольких цветов были отломлены сами бутоны. И голые стебли торчали угрожающе в ее сторону.

Агата почувствовала, что ноги больше ее не держали. Она сползла на пол и, сама не поняла зачем, посмотрела в чернеющее окно. На зеркальной поверхности, с внутренней стороны, был приклеен обычный лист бумаги для принтера А4. На котором алой краской было выведено: «Сдохни, Сука!»

Агата не смогла издать ни звука. На грани возможного нырнула под обеденный стол, где под столешницей, в слепой зоне от дверей, была вклеена в дерево плоская пилюля тревожной кнопки. Она со всей силы ударила по ней ладонью, срывая ногти и поранила ладонь. И сидела под столом, пока рывком не открылась входная дверь.

-- Департамент безопасности. Агата Сергеевна, вы дома?

Глава 2. СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Агата сидела под столом. Ладонь горела. Она посмотрела на неё — содранные ногти, кровь проступила из-под кожи. Она не чувствовала боли. Только холод.

Голоса. Шаги. Кто-то говорил быстро, четко, профессионально.

— Департамент безопасности. Агата Сергеевна, вы дома?

Она не ответила. Не могла. Язык прилип к нёбу.

— Агата Сергеевна, отзовитесь.

Шаги приближались. Она сжалась. Прижалась спиной к ножке дивана. Закрыла глаза.

— Здесь. Под столом.

Голос был мужской. Низкий. Спокойный. Пожалуй, чересчур размеренный для человека, который только что ворвался в чужую квартиру.

Кто-то присел рядом.

— Агата Сергеевна. Я Максим Орлов. Вам нужно выйти.

Она открыла глаза.

Перед ней было смутно знакомое лицо. Одно из многих. Скольких она видела за эти годы со сцены. Тёмные волосы. Выразительные глаза. Сильные мужские черты. Он был красив. Но не это её поразило. Потрясло то, как он на неё смотрел. Как будто видел её раньше. И очень радовался долгожданной встрече. Ну, еще бы. Ни каждый вечер встретишь известную звезду, сидящую под столом собственной гостиной. Будет что рассказать родным и близким. Черт! Только этого ей и не хватало. Опять пойдут сплетни, что она пьет. Не останавливаясь.

Гата моргнула. Нет. Она не знала его. По крайней мере, лично. Запомнила бы такое лицо. Просто Бандерас, в свои лучшие годы.

— Кто вы? — прошептала она.

— Максим Орлов. Буду работать с вами в системе личной охраны. Проще, телохранитель. С нашим Департаментом заключил договор Лоран МалУ. Вам известен такой господин? Прошу прощения, вы не могли бы все-таки вылезти из-под стола. Крайне неудобно работать в такой позиции.

Лоран. Имя ударило как пощёчина. Ну сейчас начнется! Она выдохнула.

— А он не имеет права распоряжаться. Ничем, в моей жизни.

— Имеет. Будьте любезны, руку, пожалуйста.

Она посмотрела на свою ладонь. Кровь. Медленно выставила руку из-под стола. Он встал и протянул ей руку. Она посмотрела на него еще раз. Он не торопил. Просто ждал. Сдалась, взяла его за руку. Он легко поднял её. Как будто она ничего не весила.

Максим достал из кармана платок. Протянул.

— Прижмите.

Она повиновалась. Платок был идеально белый. Как всё в его мире.

Огляделась вокруг. Четверо мужчин в чёрном. Осматривали квартиру. Один — с камерой. Другой — с чем-то похожим на детектор.

— Что здесь произошло? — спросила она.

Максим посмотрел на неё. Холодно. Профессионально.

— Кто-то проник в вашу квартиру. Оставил сообщение. Передвинул вещи. Мы не знаем, кто. Пока.

— Как кто-то мог проникнуть? Охрана. Камеры. Консьерж. У этих апартаментов безукоризненная репутация.

— Мы проверим.

— Я хочу знать. Сейчас.

— К сожалению, это займёт некоторое время.

Она посмотрела на него. Он не моргнул и не отвёл взгляд. Просто смотрел. Холодно. Оценивающе. Как будто решал для себя — говорить ей что-то или нет.

— Вы что-то знаете, — полуутвердительно проговорила она.

— Нет. С чего вы взяли.

Он соврал. Она почувствовала это. Всегда чувствовала, когда ее обманывали.

— А ведь вы лжёте.

Он не ответил. Повернулся к одному из мужчин.

— Проверьте вентиляцию. Технический этаж. Камеры за последние двадцать четыре часа.

Мужчина кивнул. Ушёл.

Максим снова смотрел на неё.

— Вам нужно покинуть квартиру.

— В каком смысле? Куда я должна пойти?

— В безопасное место.

— Нет. Я не поеду. У меня дочь сюда вернется!

— Поедете.

Она возмущенно посмотрела на него и осеклась. Он не повысил голос и не стал спорить. Просто распорядился. А такие распоряжения, не обсуждаются. Это показалось ей слишком нахальным:

— Вы не имеете права мне указывать.

— Имею. Если речь о вашей безопасности.

— Я сама решаю, что касается моей безопасности.

— Нет. Не сами. Кто-то проник в вашу квартиру. Знает, где вы живёте. Оставил записку. Вы в опасности. И вы совершенно правы. Здесь еще, кроме вас, проживает ваша дочь. И дочь господина МалУ. Которая так же находилась тут в опасности. А это неприемлемо.

Она молчала. В негодовании смотрела на него. А он смотрел на неё незамутненным взглядом. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Я не поеду, — упрямо повторила она и свела брови на переносице. Знак особенного раздражения.

— Не обсуждается.

— Нет.

— Агата Сергеевна.

Он сделал шаг ближе. Она отступила. Спина уперлась в стену.

— Послушайте меня. Кто-то хочет вас напугать. Или что-то еще хуже. Вы не можете оставаться здесь. Поедете со мной. Сейчас. И ваша дочь тоже сюда не вернется. Слишком рискованно.

— Вы не понимаете. У меня завтра встреча. Концерт. Целая жизнь.

— Ваша жизнь — под угрозой. Сейчас это — главное.

— Я не могу просто исчезнуть!

— Можете. Должны и сделаете.

Он уверенно смотрел на неё. Она поняла, что все бесполезно. Он вполне мог вытащить ее из квартиры просто за шиворот. И все сделали бы вид, что ничего не происходит. А, это скандальная Агата? Тогда все ясно! Опять она что-нибудь вытворила!

— Кто вы такой, чтобы здесь командовать? — рявкнула она. Внутренне уже почти сдавая позиции.

— Я представился. Ваш телохранитель. Взаимодействие по договору. Активированного вашим мужем.

— Бывшим мужем уже десять лет. Бывшим! Кстати, а что там у вас за Департамент? Откуда он взялся?

— Это не имеет значения.

— Имеет. Вы работаете на Лорана. Значит, вы его человек. Я не могу вам доверять.

— Я работаю по найму. На того, кто платит.

— А если я заплачу вам больше. Это же одно и то же.

— Нет. Не одно.

Он прекратил дискуссию и не повышая голоса, напомнил.

— Вам нужно собраться. Минимум вещей. Документы. Телефон. Всё.

— Я не поеду.

— Поедете. Ваша дочь будет ждать вас там. В условленном месте.

Она хотела возразить. Но он уже отошёл. Говорил с кем-то по рации. Она смотрела ему в спину. Широкоплечий, уверенный в себе. Он был собран, как взведенная пружина. Тренированный человек, всегда готовый к худшему.

Она не знала, кто он. Но знала одно — он что-то скрывает. Именно от нее. И ему нельзя доверять, потому что он был в связке с МалУ. А это уже говорило о многом.

Через двадцать минут она сидела в машине. Чёрный седан. Тонированные стёкла. Кожа-ный салон. Пахло скрипучей кожей и древесным мужским парфюмом.

Максим сидел рядом. Водитель — впереди. Молчали.

Агата смотрела в окно. Москва плыла мимо. Фонари. Машины. Люди. Всё было необычно, по-другому.

— Куда мы едем? — небрежно спросила она.

— В безопасное место.

— Где?

— Не могу ответить.

— Что так?

— Правила.

Она наблюдала за ним. Он смотрел вперёд. Профиль — чёткий. Сильный подбородок. Тёмные волосы. Приятный. Но раздражало то, что он контролировал всё. Ситуацию. Её. Разговор.

— Вы всегда так разговариваете? — с ехидной ноткой задала она вопрос.

— Как?

— Как вы робот.

— Я выполняю свою работу.

— А ваша работа — меня похитить?

— Обеспечить защиту. Переместить в безопасную локацию.

— От чего?

— От того, кто оставил записку. И был в вашем доме.

— Вы уже знаете, кто это?

— Нет.

— Опять лжёте.

Он взглянул на нее и усмехнулся. Впервые за вечер

— Вы очень проникательны.

— Это комплимент?

— Скорее, констатация факта. Я не умею делать комплименты.

Теперь она усмехнулась. Пренебрежительно.

— Почему же вы так на меня смотрели? — спросила.

— Когда?

— Под столом.

Пауза. Он отвёл взгляд и чуть наклонил голову, скрывая выражение лица.

— Вам показалось. Слишком неожиданный ракурс. Я не смотрел.

— Смотрели. Вы что, узнали меня? Хотели взять автограф?

— Вы ошибаетесь.

— Нет. Я никогда не ошибаюсь.

Он замолчал и стал смотреть вперед. Она решила не успокаиваться.

— Вы сказали, что телохранитель. Мой. Но это не ответ. Откуда вы? Как давно работаете на Лорана? Почему он нанял именно вас? И почему, черт возьми, именно ко мне?!

— Агата Сергеевна.

— Слушаю вас внимательно.

— Вы задаёте слишком много вопросов.

— Такова моя жизнь.

— А это моя работа.

И замолчал. На этот раз надолго.

Машина ехала. Москва плыла мимо. Она не знала, куда они едут. Что будет дальше и можно ли ему доверять. Она решила, что выяснит это. В очень скором времени.

Тайное место оказалось квартирой на Патриарших. Небольшая. Гостиная, три спальни. Кухня. Ванная. Окна выходили во двор. Никого не было видно.

— Здесь безопасно? — недовольно поинтересовалась она.

— Да. Вполне.

— Кто знает, что я здесь?

— Только я.

— А Лоран?

— Я не уполномочен отвечать.

Она посмотрела на него.

— Почему?

— Он нанял меня обеспечить вам безопасность. Но не докладывать ему, как у вас дела. Это не моя компетенция.

Она удивленно молчала. Смотрела на него. Он стоял у двери, руки в карманах. Спокойный и собранный. Очень аккуратный.

— Вы можете идти, — позволила она и даже сделала выпроваживающий жест рукой.

— Нет.

— А в чем дело?

— Я должен быть рядом. Пока не поступят другие указания.

— Но я совсем не хочу, чтобы вы были рядом.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Это теперь моя квартира. Место проживания.

— Просто безопасное место.

— Но я не чувствую себя в безопасности. Тем более рядом с вами.

— Это временно.

— Насколько?

— Пока мы не найдём того, кто оставил записку.

— А если это будет длиться долго?

— Не думаю.

Она усмехнулась. А он — нет.

— Вы всегда так уверены?

— Всегда.

Агата насмешливо смирила его взглядом.

— Я могу пользоваться телефоном? Интернетом? Мне нужно работать. Я не настолько свободна.

— Да, конечно.

— Ладно, — махнула она рукой. — Так и быть. Делайте свою работу.

Он кивнул. Вышел и закрыл дверь.

Она осталась одна.

Светлые стены. Минимум мебели. Никаких личных вещей. Здесь точно никто не жил. Это место — просто функция.

Прошла в спальню. Кровать. Тумбочка. Шкаф. Пусто.

Села на кровать. Рассмотрела свою ладонь. Кровь запеклась. Пара ногтей содраны. Вот бы к стилисту. Но, вряд ли.

Она прилегла, закрыла глаза. Надпись сразу вспыхнула в голове: «Сдохни, Сука!»

Кто-то был в её квартире. Знал, где она живёт. И очень хотел её напугать.

Ей не было страшно. Наоборот, она злилась. Сильно. Сейчас, когда все было позади пришла досада на такую глупую ситуацию. Которую, разумеется, состряпал Лоран. А кто же еще. Подсунул какого-то сына дворника, лишь бы ее контролировать. Все смириться не может. Придурок великовозрастный.

Ничего, она разберется со всеми. Постепенно.

Хочешь сделать хорошо, сделай сам.

В заточении

Утром её разбудил телефон. Ирина.

Агата посмотрела на экран. Восемь утра. Она не спала почти всю ночь. Вслушивалась в тишину чужой квартиры, посторонние звуки за стеной.

— Да?

— Ты где? — голос Ирины был острым, без приветствия. — Через сорок минут съёмка для Vogue. Григорий уже на площадке.

— Я не приду.

— Агата. — Пауза. — Ты в своём уме?

— Кто-то проник в мою квартиру. Оставил записку: «Сдохни, сука».

Тишина. Потом тихо:

— Ты в полиции?

— Нет. Лоран нанял охрану. Я в безопасном месте.

— Хочешь отменить съёмку?!

— Отмени.

— Агата, это контракт на два года.

— Ир. Я не вернусь.

— Ты говоришь как сумасшедшая.

— Может, я и есть сумасшедшая. Но я, ты удивишься, жить хочу. И у меня Бланка.

Она бросила телефон. Не дала Ирине ответить.

В десять утра привезли Бланку. Агата услышала их голоса в коридоре — низкий голос Максима и звонкий голос дочери.

— А вы кто?

— Максим Орлов. Телохранитель вашей матери. По поручению вашего отца.

— А. Папа знает, что делает. Я хочу увидеть маму.

Дверь открылась. Бланка вошла — высокая, худая, тёмные волосы с рыжиной, зелёные глаза. Подбежала, обняла.

— Мам, Ирина звонила, вся на взводе. Что случилось?
— Кто-то проник в нашу квартиру. Оставил записку. Теперь я здесь.
— Папа нанял охрану?
— Да.
— Правильно. — Бланка отошла, села на край кровати. Помолчала, разглядывая свои ногти. — Мам, мне нужно тебе кое-что сказать.
— Что?
— У школы стоял странный мужчина. Уже несколько раз. Агата замерла.
— Какой?
— Высокий. Худой. Очень бледный. Как альбинос. Белые волосы, белые ресницы. Смотрит так... — она поморщилась, подбирая слово, — как будто тебя нет, но он тебя видит.
— Как давно?
— Не знаю. Неделю, может, две.
— Почему ты не сказала?
Бланка пожала плечами.
— Он ничего не делал. Просто стоял и смотрел на меня. Один раз помахал. Я думала, это папин человек. Вчера охранники его прогнали, но он вернулся. Позже.
— Бланка... ты не боишься?
— Немного. — Бланка посмотрела в сторону. — Он странный. Как будто его нет, но он есть. Такой, может исчезать и появляться.
— Что ты имеешь в виду?
— Не знаю. Он не выглядит опасным. Я чувствую. Просто... присутствует.
Агата смотрела на дочь. Бланка была спокойна, уверена в себе — как всегда. Но у Агаты по спине пробежал холодок.
— Обещай мне, что будешь осторожна.
— Обещаю.
— И если увидишь его снова — сразу скажи.
— Хорошо.
Дверь открылась. Вошёл Максим. Остановился в дверях. Посмотрел на Бланку. Агата заметила — что-то мелькнуло в его глазах. Узнавание?
— Агата Сергеевна.
— Максим, это Бланка. Моя дочь. Выслушайте ее.
— Здравствуйте, Бланка.
— Здравствуйте.
Он слушал и внимательно смотрел на неё.
— Вам нужно быть осторожной, — наконец сообщил он.
— Я знаю.
— Когда вы видели его снова?
— Вчера. У школы. Вечером.
— Что он делал?
— Ничего. Просто стоял.
Максим кивнул. Перевёл взгляд на Агату.
— Я проверю.
— Вы уже проверяли.
— Проверю ещё раз.
Он вышел. Закрыв дверь. Бланка посмотрела на мать.
— И охранник твой странный. Чего это он так таращится. Как будто привидение увидел. Любит знаменитостей?

— С чего ты взяла?

— Смотрит так, будто знает меня.

— Тебе показалось.

— Может быть. — Бланка встала, подошла к матери, поцеловала её в щёку. — Мам, всё будет хорошо.

— Я знаю. Ну, располагайся в этом дворце. Нам придется быть здесь. Какое-то время.

Бланка вышла пританцовывая. Наушники блокировали для нее все неприятные звуки во вселенной.

Агата осталась одна в комнате. Подошла к окну. Пусто. Двор. Фонари. Машины. Никого. Но она знала — он где-то рядом. Смотрит. Ждёт.

Она закрыла шторы, отошла от окна. Телефон завибрировал.

Сообщение. С незнакомого номера. Без имени.

«У девчонки твои глазки. Серебряный соловей поет все лучшие?»

Она разозлилась. Кто-то думал, что может её напугать. Что она разрыдается и побежит к Лорану, Ирине или психотерапевту. Спрячется за охраной, стенами и будет трястись от ужаса. Она! Девчонка с района, которой просто очень дано немного повезло. Что и разрушило ее жизнь.

Агата открыла глаза. Посмотрела в темноту.

— Я найду тебя, — предупредила она тихо кого-то.

Легла и закрыла глаза. Приказала себе: «Спать».

За стеной, в соседней комнате, Максим не спал.

Он сидел у окна, в темноте. В руке — телефон.

Гудки. Один. Второй.

— Да?

— Данилов. Это Орлов.

— Максим. Что случилось?

— Мне нужен файл.

— Какой?

— На Герасима. Полная история. Архив.

Пауза.

— Герасим? «Альбинос»? Ты уверен?

— Да. Девчонка описывает визуал очень близко.

— Максим... это закрытая информация. Дело пятилетней давности. *Сами помнишь, чем закончилось.*

— Мне всё равно. Подними файл.

— Почему сейчас?

Максим посмотрел на закрытую дверь спальни Агаты.

— Потому что Герасим не должен был выйти. Он погиб в колонии. По документам.

— Ты думаешь, побег?

— Нет, — мрачно отозвался Максим. — Я думаю, мы пошли не туда с самого начала. И если это действительно он, то ему нужна не Агата. А Бланка. Бланка МалУ. И ее отец.

Он сбросил вызов и стал смотреть в темноту. *Если это Герасим — девочка в опасности. У того агента одна цель: уничтожить всё, что любит Лоран МалУ.* Много лет, с той стороны невидимого фронта, о противостоянии этих двоих ходили легенды. «Пилоты для особых поручений» зря болтать не будут.

Максим был почти уверен, что уже знал имя преследователя.

Но не сказал Агате. Потому что она — просто приманка.

А добыча — ее дочь.

Серебряный соловей.

Глава 3. НОЧЬ

Агата опять не спала. Три ночи, как три сигнала. Она уже говорила себе: «Это ничего». И каждый раз, что-то внутри не соглашалось.

Она сидела на полу в гостиной безопасной квартиры, спиной к дивану, с ноутбуком на коленях. Экран светил в темноте голубым. Квартира на Патриарших пахла цитрусовыми отдушками и терпким мужским парфюмом — остатками от прошлых жильцов. Ее Серебряный соловей спала, как и положено по режиму правильного профессионала. Чтобы не случилось, режим превыше всего.

Она слышала Максима за стеной. Он тоже не спал.

Агата открыла приложение. Камеры. Четыре штуки: холл, гостиная, коридор, чёрный вход. Установлены два года назад, после того как папарацци проник в подъезд и снял Бланку через окно. Лоран тогда настоял.

Она нажала на запись за сегодня.

Холл. Ночь. Пусто. Никто не входил. Виктор ушёл в семь, сама вернулась в одиннадцать.

Гостиная. Камера показывает пустую комнату с девятнадцатью ноль-ноль до двадцати трёх сорока. Никто не трогал пульт. Никто не сдвигал вазу. Коридор. Пусто. Чёрный вход. Пусто.

Агата закрыла ноутбук.

Камеры не врут. Камеры — это факты. А факты говорят: в квартире никого не было. Значит, она ерунду. Замечательно. Вот только и ее на камерах, как она это вытворяет, не было. Все строго по канону. Пришла. Прошлась по квартире. Пару раз крикнула. И залезла под стол. Замечательно.

— Молорик, Гата, — сказала она вслух. — Возьми на полке пирожок.

Голос прозвучал глухо. И слишком громко для полупустой квартиры.

Она встала, прошла на кухню, залпом выпила стакан холодной воды. Москва за окном спала или делала вид. Фонари горели, где-то вдалеке мигала красная точка на крыше высотки.

Она привыкла, что город смотрит на неё. Камеры, фотографии, поклонники. Это была часть сделки: отдаёшь приватность — получаешь сцену. Но это было другое. Здесь не был объектив или внимание фаната. Что-то тихое, мерзкое. Что не оставляло следов на записях, но сдвигало вещи, когда она отворачивалась. Вползающее в ее жизнь, и нарушающее ее и без того шаткий мир.

— Тебе нужно спать, — напомнила она себе.

Пошла в спальню, легла рядом с Бланкой, закрыла глаза. Не уснула.

В шесть утра она сдалась.

Горячий душ не помог — напряжение осталось под кожей. Агата вышла из ванной, подошла к зеркалу. Лицо серое, под глазами тени, которые не возьмёт никакой консилер.

Она потратила двадцать минут на уход и макияж. Лицо стало нормальным. Не идеальным — нормальным. Без СПА, стилистов и покоя, даже вполне себе. Маска для посторонних готова.

Села за кухонный стол, достала телефон и открыла контакты. Laurent Malu. Без фотографии. Они лично не общались два года. Так. Вопрос-ответ. Все по делу. Последний разговор был о Бланке: Лоран хотел, чтобы дочь провела лето в Париже. Агата отказала. Он не спорил, просто перестал звонить. Ей. С Бланкой общался. И в Париж она полетела. Лоран сделал для этого все. Молча.

Она нажала вызов. Гудки. Голосовая почта. Французский. Автоматический, холодный.

Агата сбросила и набрала сообщение: «Мне нужно поговорить. Я беспокоюсь, о Бланке. Найди меня». Ответ не пришёл. Ни через час, ни через два. Тишина.

В десять утра она решила ехать к Ирине. Максим стоял у двери. Молча, руки в карманах брюк. Собранный, как взведённый механизм.

— К Ирине Волковой, — уведомила его Агата, проходя к выходу.

— Я поеду с вами.

— Нет. У меня личный разговор.

— Агата Сергеевна, моя задача — не обсуждается.

— Моя жизнь — это не ваша задача. Я сказала — нет. Здесь вы нужнее. Бланка дома.

Он посмотрел на неё. Тяжёлый, оценивающий взгляд.

— Хорошо. Но я буду внизу. В машине.

— Я не собираюсь никуда идти, если вы будете сидеть на хвосте.

— На парковке. Вы меня не увидите, но я буду видеть вас. Таков порядок. О дочери не беспокойтесь. Здесь достаточно охраны. Даже с лихвой.

Она хотела возразить, но он уже открыл перед ней дверь. Агата поняла, что спорить бесполезно. Приходилось признать, что он был не просто охранником. Скорее стеной, которую она не могла обойти. Лоран умел создавать для нее препятствия. Непреодолимые.

«Волкова Продакшн» на Красном Октябре гудел. Агата прошла мимо ресепшен, поднялась на третий этаж. Кабинет Ирины — стеклянные стены, вид на серую Москву-реку.

Она сидела за столом, читая что-то на планшете. Короткая стрижка, очки в тяжёлой оправе, безупречный костюм. Подняла голову, поморщилась.

— Гата, фу. Ты выглядишь ужасно.

— Спасибо, Ир.

— Я серьёзно. Садись. Что все-таки случилось?

Агата села, поставила сумку. Смотрела на Ирину, подбирая слова. Не потому что не знала, что сказать. А потому что знала, как это прозвучит для человека, который продаёт её образ.

— Мне угрожают, и за мной следят. Лоран принял меры. Как он умеет. Никого ни о чем не спрашивая.

Ирина не моргнула. Отложила планшет.

— Кто? Конкуренты? Журналисты?

— Не знаю. Вряд ли. Проникли в апартаменты. У школы Бланки заметили странного мужчину. Я чувствую, что кто-то наблюдает за мной. Издали. Но постоянно.

— Агата, — Ирина медленно сняла очки. — Ты спала?

— Немного.

— Сколько?

— Не помню.

— Пила?

— Ир...

— Ты пила?

— Один бокал. Два дня назад.

— И вчера?

— Нет.

Ирина вздохнула, потёрла переносицу.

— Я не говорю, что у тебя зависимость. Я напоминаю, что у нас через месяц премьера, а ты не спишь и на грани нервного срыва. Понимаю, тебе кажется, что мир рушится. Это называется выгорание.

— Не думаю, что выгорание оставляет угрозы на окнах. С внутренней стороны. И этот мужчина у школы.

— У школы всегда кто-то стоит. Родители, водители.

— Бланка видела его несколько раз.

Ирина замерла. Рука с очками остановилась в воздухе.

— Несколько раз — это сколько?

— Три или четыре.

— И ты только сейчас мне об этом говоришь?

— Я только вчера поняла, что это связано.

Ирина молчала. Потом встала, подошла к окну, посмотрела на реку.

— Агата. Я скажу то, что ты не хочешь слышать. Ты устала. Твоя дочь вырастет, бывший муж не звонит, график — ад. Тебе кажется, что за тобой следят, потому что ты потеряла контроль.

— Я не потеряла контроль.

— Тогда докажи. Фактами, а не ощущениями. И ещё один вопрос. Ты доверяешь Орлову?

— В смысле?

— Ты доверяешь телохранителю, который поселился с тобой в якобы безопасной квартире. И теперь знает твоё расписание лучше меня. Ты ему доверяешь?

— Он делает свою работу.

— Какую? Защищает тебя? Или контролирует?

— Это одно и то же.

— Нет. Не одно. — Ирина повернулась. — Послушай меня. Тебе нужен отдых. И врач. Не психиатр, просто хороший терапевт, который сможет выписать тебе снотворное. А с Орловым будь осторожна. Во-первых, он человек Лорана. Во-вторых, слишком много знает и мало говорит. В-третьих, люди его профессии склонны к деструктивным поступкам. А только этого тебе и не хватало. Да и о Лоране ты тоже знаешь. Вдруг, это его очередная маниакальная идея, что тебя или Бланку надо спрятать от мира? Ведь нет никаких гарантий?

Агата встала.

— Спасибо, дорогая.

— За что?

— За то, что не стала читать мне нотации о моей «звёздной болезни».

Ирина криво усмехнулась:

— Иди. И позвони, если станет хуже.

— Обещаю.

— Гата.

— Что?

— Я люблю тебя. И очень за тебя беспокоюсь.

— И я, Ир. И я.

Вечером Агата была в ресторане «Vetro». Не одна. С Дмитрием Волковым, режиссёром и крёстным Бланки. Максим ждал в машине — она видела его тёмный силуэт за рулём сквозь почти матовую витрину.

Дмитрий был в ударе. Говорил о новом клипе, игре света. О том, как хочет снять Агату на закате.

— Ты будешь выглядеть как ангел, — сказал он, отпивая вино.

— Я не ангел, Дим.

— Я знаю. Камера любит контрасты.

Агата усмехнулась. На ней было винтажное красное платье. Тяжёлый шёлк, открытый спина. Сегодня она решила не прятаться.

— Дим. Ты когда-нибудь чувствовал, что за тобой наблюдают?
Дмитрий перестал жевать. Улыбка исчезла.

— Что?

— Ощущение. Что кто-то смотрит. Даже когда никого нет.

— Агата, это связано с тем, что ты немного ограничила общение?

Агата замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказали. Не важно, кто. Что происходит?

— Ничего. Просто устала. И решила немного удалиться. От суеты.

Дмитрий посмотрел на неё внимательно, потом кивнул.

— Хорошо. Устала. Но если что-то серьёзное — скажи мне. Не Лорану. Мне. Мы тебя любим, Гата.

Они говорили ещё час. Агата кивала, улыбалась, делала вид, что всё нормально. В девять она встала.

— Мне пора. Бланка одна.

— Ладно. Езжай. Привет, нашему любимому Серебряному соловью!

Машина везла её обратно, в безопасную квартиру. Октябрь, ночь, фонари, пробки. Агата смотрела в окно. Думала о камерах. О мужчине у школы. Лоране, который не берёт трубку. И Ирине, которая считает её сумасшедшей.

Она была одна. Вокруг были люди, но никто не соглашался видеть то, что видела она. Кроме Максима. Телефон завибрировал.

Сообщение. С незнакомого номера. Без имени. Просто цифры.

Агата открыла.

«Гата в красном прекрасна».

На секунду ее дыхание остановилось, щеки запылали. Она медленно опустила телефон. Глянула на своё платье. Будто забыла, какого оно цвета.

В «Vetro» она сидела напротив окна. Напротив окна. Матового, непрозрачного. Видна была только тем, кто находился в зале. А не снаружи.

Кто-то смотрел на нее. Считал минуты. Запоминал, что на ней надето.

Агата сжала кулаки. Даже пальцы побелели. Страх был где-то глубоко, в животе, холодным комком. Но теперь она чувствовала злость. Настоящую. Требующую выхода. Она не удалила сообщение. Не заблокировала номер. Сделала скриншот, отправила себе на защищённую почту.

Пусть будет так.

Она вернулась в безопасную квартиру с совершенно спокойным лицом. Поболтала с Бланкой, что-то ответила Максиму. Написала пару ничего не значащих слов Ирине, чтобы она уже не волновалась. Зашла в комнату, закрыла за собой дверь. И только тогда выдохнула. Затем резко подошла к окну, рванула шторы. Уплотненная ткань отрезала её от улицы.

Кто-то по-прежнему хотел её напугать. Рассчитывал, что она будет плакать в подушку. И окончательно загубит свою карьеру. А вот и нет.

В одном Ирина права. Агата знать, не знает, кто такой этот Орлов. И ему, как и Лорану, доверять не стоило.

Она вспомнила бункер. В самом начале их семейной жизни Лоран закрыл её с крошкой Бланкой в подземном убежище. Изнутри оно выглядело как фешенебельный отель — даже компания была: дочери глав двух восточных держав, которых прятали от похищения. Агата тогда неплохо провела время. Но бункер оставался бункером. Подземным городом. И Гата ни за что не хотела вернуться туда. Ни за что.» Она достала телефон, открыла галерею, посмотрела на скриншот.

— Я найду тебя, — прошипела она. И швырнула невинный телефон на кровать.